

ТЕА ФОН ХАРБОУ

МЕТРОПОЛИС

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Х20

Серия «Эксклюзивная классика»

Thea Gabriele von Harbou

METROPOLIS

Печатается по изданию:
Metropolis, Von Harbou, Thea, August Scherl GmbH,
Berlin, 1926

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Харбоу, Теа, фон.

Х20 Метрополис : [роман] / Теа фон Харбоу ; [перевод с немецкого Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189265-4

«Метрополис» — научно-фантастический роман и одновременно философская притча, наполненная библейскими аллюзиями. На общем фоне, не обремененном описаниями технического прогресса, автор рисует грандиозную картину технократического общества, в котором мозг великого Метрополиса правит жизнью города, а классовая борьба грозит перерасти в кровопролитную войну.

Но однажды сын владыки города Фредер встречается Марию, которая предсказывает людям приход Посредника, способного разрешить проблемы классовой вражды. Рабочие ждут перемен, и Фредер, влюбленный в Марию и преданный народу, решает, порвав с отцом, идти своим путем. Дерзнет ли он вступить в схватку со всемогущим владыкой и попытается ли осуществить свой смелый план?..

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-189265-4

© Перевод. Н. Федорова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Вручаю эту книгу
тебе, Фрид*

Эта книга не образ современности.

И не образ будущего.

Действие ее происходит в Нигде.

Она не служит ни движениям,

ни классам, ни партиям.

Эта книга — история, вырастающая

вокруг постижения:

Посредником меж мозгом и руками

должно быть сердцу.

Теа фон Харбоу

I

Раскаты большого органа гудели громом, который, подобно встающему исполину, упирался в свод высокого помещения, грозя разнести его вдребезги.

Фредер запрокинул голову, широко открытые, жгучие глаза невидящим взором недвижно вперились в вышину. Из хаоса органичных голосов руки его лепили музыку, сражались с вибрациями звуков, пронизанные ими насквозь.

Никогда в жизни слезы не подступали так близко, и в блаженной беспомощности он уступил жаркой влаге, слепящей глаза.

Над ним — лазурит небосвода, где реет двенадцатеричная тайна, золотые фигуры зодиака. А выше, над ними, семь венчанных — планеты. И высоко-высоко надо всем — сияющие серебром несчетные тысячи звезд: мироздание.

Пред повлажневшими глазами органиста звезды закружились под его музыку в торжественно-могучем хороводе.

Рокочущие наплывы звуков обратили стены в ничто. Орган Фредера стоял теперь среди моря. Будто риф, о который бились косматые волны.

В шапках пены мчались они одна за другой, и самой свирепой всегда была седьмая.

Но высоко над морем, ревущим в кипенье валов, торжественно-могучим хороводом кружили небесные звезды.

Сотрясенная до основания, старушка Земля в испуге пробудилась от сна. Реки ее иссыхали, горы рушились. Разверстые глубины изрыгали огонь. Земля и все, что было на ней, горели в пожаре. Волны моря обернулись пламенными валами. Орган пылал — гремющий факел музыки. Земля, море и полыхающий гимнами орган с грохотом рухнули и стали пеплом.

Но высоко над разгромом и пустотой спаленного творения торжественно-могучим хороводом кружили небесные звезды.

И вот средь клубов серого пепла поднялась на трепетных крыльях одинокая, несказанно прекрасная птица в оперенье из самоцветов. Исторгла горестный крик. Ни одна птица, что когда-либо жила на Земле, не горевала так благозвучно и так отчаянно.

Она парила над пеплом дотла изничтоженной Земли. Парила здесь и там, не зная, где опуститься. Парила над гробницей моря и над мертвым телом Земли. Никогда с той поры, как мятежные ангелы пали с небес в преисподнюю, не сотрясал воздух крик такого отчаяния.

Но вот одна звезда отделилась от торжественно-могучего хоровода и приблизилась к мертвой

Земле. Нежнее лунного был ее свет и повелительнее солнечного. В музыке сфер ее голос звучал прекраснее всего. Он окутал горющую птицу своим нежным сиянием, могучим, как божество, и зовущим: ко мне... ко мне!..

И тогда самоцветная птица покинула гробницу моря и Земли, подставила поникшие крылья могучему зову, и он подхватил ее. Покоясь в колыбели света, она вознеслась в вышину, и запела, и стала голосом сфер, и исчезла в вечности...

Пальцы Фредера соскользнули с клавиш. Он наклонился вперед, спрятал лицо в ладонях. Зажмурился, крепко-крепко, пока не увидел под веками огненный танец звезд. Ничто не помогало ему, ничто! Повсюду, повсюду, в мучительной и блаженной вездесущности стояло перед ним одно-единственное лицо.

Строгий лик девы, ласковый лик матери — мұ́ка и услада, которую он, увидев всего лишь раз, бесконечно призывал и для которой его истерзанное сердце не ведало имени, кроме одного, извечного:

Ты... ты... ты!..

Он уронил руки, поднял взгляд к прекрасному своду высокого помещения, в котором стоял орган. Из бездонной небесной синевы, из безупречного золота звездных фигур, из таинственного сумрака вокруг смотрела на него девушка с убийственной строгостью чистоты,

прислужница и госпожа, непорочность... и притом сама прелесть: прекрасное чело в венце доброты, голос — сострадание, каждое слово — песня. Но она отвернулась, шагнула прочь, исчезла... не отыскать ее... нигде, нигде...

— Ты! — воскликнул Фредер. Плененный возглас бился о стены и не находил выхода.

Одиночество сделалось совершенно нестерпимым. Фредер встал, распахнул двустворчатую дверь. В слепящей яркости перед ним открылась мастерская. Он зажмурил глаза и замер, едва дыша, чувствуя безмолвную близость слуг, ждущих распоряжений, что позволят им ожить.

Об одном из них — тощем, с вежливым лицом, никогда не менявшим выражения, — Фредер знал: достаточно словечка, и, если легкие ноги девушки еще ступают по земле, Тощий ее найдет. Но ведь непустишь ищейку по следу священной белой лани, коли не желаешь быть проклятым и до конца дней своих влачить жалкую, беспросветную жизнь.

Не глядя на Тощего, Фредер видел, как тот сверлит его взглядом. Он знал: безмолвный человек, которого отец назначил ему всемогущим защитником, был и его стражем. По горячке ночей, лишенных сна, по горячке работы в мастерской, по горячке органной игры, вызывающей к Богу, Тощий определял уровень эмоций у сына своего великого владыки. Отчетов он не подавал, да их и не требовали. Но если вдруг

потребуют, он, конечно, предоставит подробнейший, идеальный дневник — начиная от числа тяжких шагов, какими измученный человек одну за другой растаптывает минуты своего одиночества, и заканчивая тем, как он сжимает лоб усталыми, тоскующими ладонями.

Возможно ли, чтобы этот всезнайка ничего не ведал о ней?

Он ничем не выдавал, что понимает перелом в настрое и существо своего молодого господина, происшедший после того единственного дня в «Клубе сыновей». Но умение никогда себя не выдавать принадлежало к числу больших секретов тощего тихони, и, хотя доступа в «Клуб сыновей» он не имел, Фредер отнюдь не был уверен, что клубные законы остановят отцовского агента, у которого предостаточно денег.

Фредер чувствовал себя беззащитным, раздетым донага. Беспощадный к сокровенному, свирепо-яркий свет заливал и его, и каждый предмет в его мастерской, расположенной едва ли не выше всего в Метрополисе.

— Я хочу побыть совсем один, — тихо сказал он.

Слуги беззвучно исчезли, ушел и Тощий. Но ведь все эти двери, что закрывались без малейшего шума, могли снова чуточку приоткрыться, опять-таки без малейшего шума.

Тоскливым взглядом Фредер обвел двери мастерской.

Улыбка, весьма горестная, оттянула вниз уголки губ. Он был сокровищем, которое необходимо беречь, как берегут сокровища короны. Сын великого отца, притом единственный.

Вправду единственный?..

Вправду единственный?..

Мысли его вновь вернулись к началу круговорота, вновь возникла та картина, вновь он видел и переживал...

«Клуб сыновей» владел, пожалуй, самым красивым домом Метрополиса, и неудивительно. Ведь этот дом подарили своим сыновьям отцы, которым каждый оборот каждого машинного колеса приносил золото. Скорее даже не дом, а целый городской квартал. Там были театры и кинодворцы, аудитории и библиотека, где найдется любая книга, напечатанная на любом из пяти континентов, ипподромы, и стадион, и достославные «Вечные сады».

Располагались там и весьма просторные апартаменты для молодых сыновей заботливых отцов, а также квартиры безупречных слуг и красивых, благовоспитанных прислужниц, на чье обучение уходило больше времени, чем на выведение новых сортов орхидей.

Главнейшая их задача заключалась в том, чтобы всякий час выглядеть приятно и без капризов пребывать в веселом расположении духа, и в соблазнительных своих нарядах, с накрашенными личиками, в масках на глазах, в белоснежных

париках, подобно цветам источая благоухание; они походили на хрупких кукол из фарфора и парчи, созданных рукою художника, на подарки, не покупные, но прелестные.

Фредер нечасто навещался в «Клуб сыновей». Предпочитал мастерскую и звездную часовню, где стоял его орган. Однако ж, когда у него порой возникало желание окунуться в неистовую радость состязаний на стадионе, он был самым неистовым из всех и, смеясь, как юный бог, играючи шел от победы к победе.

Вот и в тот день... и в тот день...

Все тело было еще проникнуто ледяным холодом падающей воды, каждый мускул еще трепетал восторгом победы, он лежал, вытянувшись во весь рост, глубоко дыша, улыбаясь в упоении, совершенно расслабленный, чуть ли не шальной от счастья. Молочное стекло крыши над «Вечными садами», омытое светом, сияло, словно опал. Маленькие, хрупкие женщины порхали вокруг, лукаво и ревниво ожидая, из чьих рук, из чьих тонких, нежных пальчиков он угостится фруктами, каких пожелает.

Одна стояла в стороне, смешивала ему напиток. От бедер к коленям пышными складками падала искристая парча. Скромно сомкнув стройные голые икры, она казалась статуэткой слоновой кости, в пурпурных туфельках с острыми, загнутыми вверх мысками. Хрупкий торс возвышался над бедрами и — она об этом

не ведала — трепетал в том же ритме, в каком вздымалась грудь мужчины. Накрашенное личико под прикрывающей глаза маской излучало заботу и внимание к делу ее неутомимых рук.

Губы не были покрашены и все же рдели гранатом. Она улыбалась, готовя напиток с такой самозабвенностью, что остальные девушки звонко рассмеялись.

Смех заразителен, и Фредер тоже рассмеялся. Но веселье девушек достигло вершины, когда та, что смешивала напиток, не понимая, над чем они смеются, залилась краской смущения от гранатовых губ до самых бедер. Громкий смех привлек внимание друзей, и без всякой причины, просто оттого, что молоды и беззаботны, они присоединились к веселой шумихе. Счастливым многоцветьем радуги взрывы смеха звенели над молодыми людьми.

Как вдруг... вдруг Фредер повернул голову. Руки его, лежавшие на бедрах той, что смешивала напиток, разжались и безвольно упали. Смех умолк. Друзья замерли в неподвижности. Ни одна из маленьких, парчовых, полуодетых женщин не шевелилась. Все лишь стояли и смотрели.

Дверь «Вечных садов» отворилась, впустив вереницу детей. Они держались за руки; лица серые, древние, как у гномов. Точь-в-точь призрачные скелетики в выцветших обносках и халатах. Волосы бесцветные, глаза тоже. Ноги

босые, тощие. Все они безмолвно следовали за своей предводительницей.

А предводительницей была девушка. Строгий лик девы. Ласковый лик матери. В обеих руках — по худенькой руке ребенка. Она не двигалась, только с убийственной строгостью чистоты поочередно оглядела молодых мужчин и женщин. Прислужница и госпожа, непорочность и притом сама прелесть: прекрасное чело в венце доброты; голос — сострадание; каждое слово — песня.

Она отпустила детей, простерла руку и, указывая на друзей, сказала детям:

— Смотрите, вот ваши братья!

А друзьям, указывая на детей, сказала:

— Смотрите, вот ваши братья!

Она ждала, не двигалась, и взгляд ее покоился на Фредере.

Затем пришли слуги, привратники. В этих стенах из мрамора и стекла, под опаловым куполом «Вечных садов» ненадолго воцарилась небывалая суматоха — шум, негодование, замешательство. Девушка словно все еще ждала. И никто не смел прикоснуться к ней, хотя она стояла среди серых детских призраков совершенно незащищенная. И не сводила глаз с Фредера.

Но вот она отвела взгляд, слегка наклонилась, снова взяла детей за руки, повернулась и вывела их вон. Дверь за нею захлопнулась; слуги исчезли, без устали извиняясь, что не сумели предотвратить инцидент. Все вокруг — пустота

и безмолвие. Не будь у каждого из тех, перед кем явилась девушка с ее серой детской процессией, такого множества соочевидцев, они бы, пожалуй, могли поверить, что все это им пригрезилось.

Подле Фредера, на блестящем мозаичном полу, безудержно рыдая, сидела та, что смешивала напиток.

Фредер безучастно наклонился к ней, помедлил, как бы к чему-то прислушиваясь, и неожиданно резким движением сорвал с ее глаз узкую черную маску.

Девушка вскрикнула, будто оказалась донага раздета. Руки взлетели вверх, ощупали лицо и застыли в воздухе.

Накрашенное личико испуганно смотрело на Фредера. Глаза, ничем не прикрытые, совершенно обезумели, совершенно опустошились. В этом личике, у которого отняли искусительность маски, больше не было тайны.

Фредер выпустил из рук черную маску. Та, что смешивала напиток, поспешно схватила ее, спрятала лицо. Фредер огляделся по сторонам.

«Вечные сады» блистали. Красивые люди вокруг, хотя и слегка растерянные сейчас, отличались холеностью, чистой сытостью. От них веяло ароматом свежести, напоминавшим дыхание росистого сада.

Фредер глянул на себя. Как и все юноши в «Доме сыновей», он был одет в белый шелк, который надевался лишь раз, и в удобные мягкие

туфли на подошве, позволявшей двигаться бесшумно.

Он перевел взгляд на друзей. Эти люди никогда не уставали, разве что от игры, никогда не потели, разве что от игры, и дух у них никогда не захватывало, разве что от игры. Веселые состязания служили только для того, чтобы еда и питье пошли им на пользу, чтобы они хорошо спали, не испытывая проблем с пищеварением.

Накрытые для сыновей столы, как всегда, полнились нетронутыми яствами. Золотистое вино и пурпурное, на льду или в тепле, дожидалось их там, подобно маленьким хрупким женщинам. Вновь заиграла музыка. Она умолкла, когда девичий голос произнес четыре тихих слова: «Смотрите, вот ваши братья!» И еще раз, меж тем как взгляд покоился на Фредере: «Смотрите, вот ваши братья!» Точно в приступе удушья, Фредер вскочил на ноги. Женщины в масках не сводили с него глаз. Он ринулся к двери. Пробежал по коридорам и лестницам, очутился у выхода.

— Кто была эта девушка?

Неловкое пожатие плеч. Извинения. Слуги понимали: инцидент непростительный. Увольнений будет предостаточно. Мажордом аж побелел от ярости.

— Я не хочу, — сказал Фредер, глядя в пространство, — чтобы из-за этого инцидента кто-нибудь пострадал. Не надо никого увольнять... Я не хочу...